

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

Дневник служанки

Москва

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
У13

Loreth Anne White
THE MAID'S DIARY

© 2023 by Cheakamus House Publishing
This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon
Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Владимира Гришечкина*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Уайт, Лорет Энн.

У13 Дневник служанки / Лорет Энн Уайт ; [перевод
с английского В. Гришечкина]. — Москва : Эксмо,
2026. — 448 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-244992-5

Кит Дарлинг — служанка, которая любит совать нос в жизнь своих богатых клиентов. Это было безобидным хобби до того дня, когда Кит узнает страшную тайну пары, которая ждет своего первенца. Их репутация под угрозой. Они готовы на все, чтобы Кит унесла эту тайну с собой в могилу.

Мэллори ван Альст вызывают на место происшествия в роскошный дом на побережье. Она видит следы жестокого кровавого нападения. Почти нет шансов, что жертва жива. Но тела нет, хозяева и их горничная исчезли, а единственный свидетель — пожилая соседка, которая проснулась ночью от криков. Она последняя, кто видел Кит Дарлинг живой.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-244992-5

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Марлин и Сиду

*Спасибо, что терпели меня и Хадсона
все это безумное пожароопасное лето.*

Люблю вас обоих

КАК ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ

Ей казалось — она балансирует между сном и бодрствованием, плавно переходя из одного состояния в другое. Но нет, это был не сон... Внезапно она поняла, что не спит, что лежит вовсе не в своей постели и что ей грозит опасность... Паника жарко вспыхнула в груди, мешая дышать. Где она?!

Она попыталась сглотнуть, но в горле пересохло. Во рту стоял какой-то странный привкус. Что это может быть?.. Догадка пронзила, как удар электрического тока. Кровь. Это — кровь... Она вздрогнула, дыхание сделалось неглубоким и частым. В страхе она попыталась повернуть голову, но у нее ничего не получилось. Лицо закрывала грубая влажная ткань, руки были притянуты к бокам веревками. Она в ловушке. Она — в плену...

Только сейчас она ощутила боль, острую, невыносимую боль. Болело все. Ломило плечи. Ныли ребра. Тянуло в животе и саднило в промежности. Боль пульсировала в висках и затылке, а в крови бушевал адреналиновый шторм. Она открыла глаза, но ничего не увидела. Может, она ослепла? Новый приступ паники вонзился в мозг, словно осколок стекла. Она хотела закричать, но звук получился глухой, почти неслышимый.

Где я?.. Что со мной?..

Нужно сосредоточиться. Нельзя паниковать, это опасно. Думай, думай... Вспоминай.

Но в голове по-прежнему стоял густой, плотный туман. Усилием воли она попыталась разогнать его вязкую пелену.

Если зрение подводит, что скажут остальные чувства? Что она чувствует? Холод? Ступням очень холодно. Почему? Она попробовала пошевелить пальцами ног и ощутила воздух. Она босиком? Нет, боса только одна нога, другая обута.

Что еще?.. Кажется, она ранена. Тяжело ранена. Так, во всяком случае, ей подумалось. В затуманенный мозг медленно просочилось воспоминание: она кого-то отталкивает, пытается отбиваться, кто-то кричит, хватается ее, прижимает к земле. На нее напали — сейчас она это понимает. Напали, повалили, скрутили... Теперь она во что-то завернута — в штору? одеяло? ковер? — и ее куда-то везут. Она ощущала, как ее подбрасывает на ухабах, чувствовала мелкую дрожь поверхности под собой. Может, это работает какой-то двигатель? Да, точно — она слышала шум мотора. Она в машине? Да, ее везут в легковом автомобиле. Она лежит на заднем сиденье. С переднего сиденья доносятся голоса. Интонации напряженные, резкие... Кто-то спорит, настаивает, сердится... Сквозь голоса пробивается негромкая музыка — в машине работает радио. Ее куда-то везут.

Прошло немного времени, и она начала различать слова: — Бросить в укромном месте... Сама виновата... Весь вечер напрашивалась... Он не виноват...

Ее разум снова соскользнул в темноту, но у нее уже не осталось сил бороться...

БЕЗМОЛВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

31 октября 2019 г. Четверг

Канун Дня Всех Святых, на часах — без трех минут полночь. Над водой ползет плотный туман, с затянутого облаками неба сыплется мелкий дождь. Он оседает на крышу серебристого «мерседеса майбах», который свора-

чивается с шоссе на раскисшую грунтовку, ведущую к заброшенному зернохранилищу. Капли дождя сверкают в свете фар, лучи света упираются в основания ржавых силосов*. Вот седан переваливает через ржавые рельсы и ползет дальше по ухабистой дороге, тянувшейся параллельно берегу. Наконец машина останавливается в глубокой тени под мостом, который проходит над заливом, соединяя Ванкувер с Северным берегом. Фары гаснут. В темноте сквозь туман мерцают далекие городские огни.

В «мерседесе» сидят двое. В уютном и теплом, отделанном натуральной кожей салоне они чувствуют себя очень комфортно. По мосту над их головами потоком мчатся автомобили, но до них доносится лишь приглушенный гул и ритмичный лязг конструкций, когда очередная машина проезжает по металлическим стыкам.

Мужчине и женщине в «мерседесе» некогда любоваться тем, как кружится у старого причала черная, как чернила, приливная волна. Они здесь для другого, и их желание почти достигло своего пика. Эта маленькая игра началась утром, во время делового завтрака, когда ее затянутая в чулок нога легко коснулась под столом его лодыжки. Обсуждение юридических вопросов с представителями городского управления шло своим чередом, но желание уже вспыхнуло жарким пламенем, и его не смогли остудить ни последовавший за этим разговор о подробностях судебного иска на высшем уровне, ни официальный обед. Быстрый поцелуй в мужской уборной лишь подлил масла в костер похоти. И он, и она знали, чем все закончится. Быстрое, яростное соитие в машине, припаркованной в каком-нибудь безлюдном местечке. Дело даже не в сексе, а в предвкушении. Вот их главный наркотик. Риск. Опасность разоблачения добавляет остроты

* С и л о с — емкость цилиндрической формы для хранения зерна и других сыпучих материалов. (*Здесь и далее — прим. переводчика.*)

ощущениям, ведь они оба семейные люди и к тому же занимают в городе весьма высокое положение. Он — депутат Законодательной ассамблеи, она — один из известнейших в городе адвокатов. Кроме того, у обоих есть дети.

Они всегда выбирают подобные места. Индустриальные руины. Сырые, покинутые, безлюдные, исчерченные граффити, заваленные мусором. Внушающие отвращение и в то же время обладающие своеобразной, болезненной привлекательностью. Это было их «пунктиком» — незаконная любовь на фоне убогих декораций городской скверны. Контраст собственного богатства, известности, образования и возможностей с одной стороны и разрушающихся построек — с другой добавлял остроты их связи. Встречи в подобной обстановке делали их интрижку похожей на фильм в стиле «нуар», придавая плотскому наслаждению нечто почти изысканное.

Женщина сбрасывает туфли от «Сен-Лоран», рывком распускает узел красного галстука мужчины, нащупывает молнию на его брюках. Он торопливо расстегивает перламутровые пуговицы на ее блузке, задирает юбку, нетерпеливо рвет дорогие колготки. Перебравшись через «торпеду», женщина садится на него верхом, и он, закрыв глаза, негромко стонет от наслаждения. Внезапно она застывает. В тумане вспыхивают автомобильные фары — две пары автомобильных фар. Они приближаются. Их лучи пробивают в тумане длинные тоннели. Два автомобиля один за другим едут к заброшенным силосам, поворачивают, движутся к железнодорожной колее.

— Там кто-то... — говорит женщина шепотом.

Мужчина не слышит. Его глаза по-прежнему закрыты, он стонет и выгибается на сиденье, пытаясь заставить ее двигаться в одном ритме с ним, но женщина хватается партнера за руку и сжимает, призывая его замереть. Ее сердце бешено стучит.

— Две машины! — снова шепчет она. — Они едут сюда!

Мужчина открывает глаза, поворачивает голову к окну и резко выпрямляется на сиденье. Тыльной стороной ладони он протирает запотевшее стекло. Молча, почти не шевелясь, оба следят в окно пассажирской дверцы за тем, как фары неизвестных машин пересекают рельсы и медленно движутся вдоль кромки причала.

— Черт! — произносит мужчина негромко. — Это частный участок, предназначенный под реконструкцию. Здесь не должно быть посторонних, особенно в этот час.

— Наверное, это подростки, празднуют Хеллоуин, — шепчет женщина. — Или наркотики кто-то покупает.

Машины подъезжают ближе. Передний автомобиль меньше, чем тот, который движется следом, но туман, дождь и темнота мешают как следует рассмотреть их цвет и марку. Кроме того, обе машины подсвечены призрачным сиянием города на другой стороне залива, поэтому мужчине и женщине в «мерседесе» они кажутся размытыми, темными силуэтами. Впрочем, меньший автомобиль — хэтчбек — может быть желтым или бежевым, думает женщина. Вторая машина — серый или темно-синий седан.

На повороте дороги свет фар обоих автомобилей падает на волнующуюся черную воду, и та блестит, словно жидкий металл.

— Они едут прямо сюда! — говорит женщина.

— Нам некуда деваться, отсюда нет другого выезда, — отвечает мужчина. — Может, они нас не заметят...

Неизвестные автомобили уже совсем рядом.

— Что за черт!.. — Женщина быстро пересаживается обратно на водительское сиденье, подтягивает повыше порванные колготки и пытается найти и надеть туфли. Мужчина застегивает молнию на брюках.

— Погоди, кажется, они остановились, — говорит мужчина, и оба снова замирают неподвижно. Дверца хэтчбека со стороны водителя открывается, и из салона появляется высокая фигура. На дверцу нанесен какой-то

логотип. Тем временем из седана выбирается второй человек: он полнее и ниже ростом. Их плащи блестят от дождя, лица скрыты капюшонами. Фары они не гасят. Моторы обеих машин продолжают работать, и выхлопные газы стелются над землей белесым облаком.

Туман густеет, закручивается вокруг двух фигур, которые открывают заднюю дверцу седана и вытаскивают из салона что-то громоздкое, похожее на свернутый в трубку ковер. Ковер падает на землю, и становится ясно, что весит он порядочно.

— Что они делают? — шепотом спрашивает женщина.

— В ковре что-то есть, — отвечает мужчина. — Что-то тяжелое.

Оба думают об одном и том же, но ни он, ни она не осмеливаются высказать свои мысли вслух.

Тем временем неизвестные волоком тащат свою ношу к краю заброшенного причала. Там они несколькими пинками сбрасывают ковер в воду. Всплеск. Ковер ненадолго исчезает из виду, но потом снова появляется — светлым пятном он, кружась, плывет к мосту, куда тащит его приливное течение. Ковер погружается все глубже и наконец опять исчезает под водой.

Женщина нервно сглатывает.

В салоне «мерседеса» становится очень холодно.

Мужчина, похоже, вовсе перестал дышать.

Оба смертельно напуганы увиденным. Страх пронизывает их до костей.

Высокий человек в плаще торопливо возвращается к хэтчбеку. Просунувшись в салон со стороны водителя, он наклоняется под рулевое колесо и что-то делает. Минуту спустя хэтчбек начинает двигаться к воде, хотя за рулем никого нет.

— Боже мой! Они заблокировали педаль газа! Нужно убираться отсюда поскорее! — Женщина тянется к ключу зажигания.

— Нет! — Мужчина перехватывает ее руку. — Не двигайся, пока они не уедут! Они могут убить нас, мы же все видели.

В ужасе оба глядят на хэтчбек, который как раз доехал до края причала. На несколько мгновений машина как будто замерла на краю, потом качнулась вперед и рухнула в воду. Ее осветили фонари с моста, и женщина увидела, что машина выкрашена в желтый. Узнала она и марку — «субару кросстрек». Точно такую же машину они с мужем подарили сыну на восемнадцатилетие. Логотип на дверце тоже показался ей знакомым — она определенно видела его раньше, но где, при каких обстоятельствах, вспомнить не может. Вода смыкается над машиной, со дна поднимаются пузыри. Ключья слабо фосфоресцирующей пены дрейфуют по течению к мосту, но быстро исчезают. Ни на причале, ни на поверхности залива не видно никаких следов того, что здесь что-то сбросили в воду. Только мелкие волны пляшут у подпорной стенки, плывет туман да моросит дождь.

Двое неизвестных возвращаются к седану. Высокий садится за руль, низкорослый толстяк — на переднее пассажирское сиденье. Хлопают дверцы, и седан рвет с места, расплескивая колесами жидкую грязь. У железнодорожной колеи он притормаживает, полыхнув задними огнями, потом поворачивает к заброшенным силосам и исчезает в тумане.

Пассажиры «мерседеса» молчат, парализованные страхом. Оба знают, что должны позвонить в Службу спасения.

Но звонить они не будут.

Они не расскажут об увиденном ни одной живой душе, ведь, если станет известно, что они были здесь, под мостом, на территории заброшенного зернохранилища в столь поздний (или ранний: пятница уже наступила) час, оба потеряют все.

ДНЕВНИК

Ты только начни, сказала мне мой психотерапевт. Записывай все, что придет в голову, пусть даже это будет просто поток сознания, подробности какого-то совершенно ординарного события или того, что случилось с тобой в тот или другой день. Если будет трудно, попытайся понять, что тебя беспокоит, и пиши только об этом. Хотя бы об одной вещи, но пиши... Пиши о чем-то приятном. Пиши о том, что тебя злит, раздражает, пугает... Пиши о вещах, о которых ты никогда никому не расскажешь. И каждый раз, когда тебя посетит озарение, догадка, спроси себя — почему. Почему ты подумала так, а не эдак? Чего стоит тебе прощание с конкретной иллюзией? Спроси себя — почему, а потом запиши. Пиши до тех пор, пока тебе не захочется кричать, пока даже смотреть на написанное тебе станет невольно, или до тех пор, пока тебе не откроется что-то новое, доселе неизвестное. Тогда сделай перерыв. Подвигайся. Бегай, гуляй, плавай, танцуй, катайся на велосипеде. Делай это, пока тебя снова не потянет писать. Главное — начать, просто начать. Не усложняй, старайся выражать свои мысли предельно просто, и я обещаю — со временем дело пойдет само.

Ну вот, мой дорогой Дневник — мой эрзац-психотерапевт, я начинаю. Меня зовут Кит, Кит Дарлинг. Мне тридцать четыре года. Не замужем. Веганка. Люблю животных и подкармливаю птиц.

Работаю уборщицей.

Моя страсть — любительский театр.

Моя суперсила — быть невидимой.

Да, это именно так. Это мой, если можно так выразиться, волшебный дар. Невидимая, я хожу по чужим домам, сметаю прах чужих жизней, привожу в порядок чужие микровселенные, чтобы при взгляде со стороны они выглядели совершенными. Я мою, чищу, полирую и в

то же время — тщательно рассматриваю и анализирую всю информацию, которую только можно найти в домах и квартирах состоятельных и успешных. Я трогаю, обнюхиваю, завидую... иногда даже надеваю на себя чужую одежду или украшения. И вот что я узнала: совершенство — обман. Иллюзия. Тщательно выстроенный, но ложный нарратив, который вводит в заблуждение поверхностного наблюдателя. Образцовая семья, обитающая в роскошном доме по соседству — семья, которую вы вроде как хорошо знаете, — на самом деле совсем не такая, какой выглядит. У каждого члена этой семьи есть свои недостатки, пороки, секреты. Иногда — мрачные, даже ужасные секреты. И, как ни странно, именно я, уборщица, человек, который выносит мусор и отмывает грязь, имею доступ к самым сокровенным тайнам этих домов. Возможно, это потому, что меня считают тупой. Услужливой. Недостойной внимания. Просто приходящая прислуга — что с меня взять?

На самом деле я не только мою посуду и таскаю по всем комнатам мощный пылесос. Я собираю информацию. Вынюхиваю. Сюю нос в чужие дела.

Это и есть моя основная проблема. Я поражена патологическим любопытством.

Ну а что? Разве не все мы чувствуем приятное возбуждение и даже удовольствие, когда видим что-то, не предназначенное для наших глаз? А тот, кто говорит, что выше этого, нагло врет. Мы все листаем соцсети, выискивая сообщения о крушении поезда или страшной автоаварии. И если находим такое сообщение, да еще и со снимками очевидцев, мы не в силах от него оторваться. Мы кликаем по ссылкам, которые обещают показать нам голливудскую звезду в чересчур откровенном купальнике, звезду без макияжа, звезду, затеявшую скандал в «Старбаксе». Стоя в очереди в универмаге, мы тянемся к таблоиду, который обе-

щает поведать свежие подробности об интрижке британского принца.

Я занимаюсь тем же самым, только на другом, более высоком уровне. И благодаря этому моя жизнь проходит не так уж и скучно.

У меня даже разработана специальная методика, которая позволяет мне заниматься моими исследованиями и не попадаться. Приходя в чужой дом или квартиру, я выставлю на часах таймер и начинаю уборку. Я делаю свою работу достаточно быстро, чтобы у меня осталось время заглянуть в ящики комода, в стенной шкаф, в пыльный сундук на чердаке или просто в хозяйскую спальню.

Я знаю, где искать. Без особого труда я нахожу секреты, которые обитатели дома хранят даже друг от друга: жена от мужа, отец от дочери, сын от матери. Я вижу маленькие голубые таблетки. Шприц. Мятные леденцы и сигаретные окурки, спрятанные в треснувшем цветочном горшке в дальнем углу садового сарая. Початую бутылку текилы под бельем в ящике в комнате подростка. Ссылки на порносайты в компьютере главы семьи. Тщательно запрятанную записку от недавнего любовника жены. Письмо из комиссии по условно-досрочному освобождению. Использованный тест на беременность, засунутый в мусорное ведро, которое я должна вынести.

Я вижу этих людей насквозь.

Я знаю обитателей этих домов как облувленных.

А вот меня они не видят. Не замечают.

Не знают.

Доведись мне столкнуться с кем-то из них на улице или в магазине, они вряд ли узнают меня — девушку, которая незримо присутствует в их жизни. У меня нет имени и примет. Я — невидимка.

И меня это вполне устраивает. Я вовсе не хочу, чтобы меня заметили.

Во всяком случае — они.

У моей психотерапевтики есть какие-то теории, объясняющие мое желание оставаться невидимой. Когда я сказала ей, что в чужих домах чувствую себя привидением, бесплотным духом, она спросила, всегда ли я была такой. Я не знала, что ответить, поэтому промолчала. Ее вопрос, впрочем, заставил меня задуматься. Однако после нескольких сеансов, на которых мы так и не сумели докопаться до сути моей «невидимости», она предложила мне вести дневник.

Мой терапевт, похоже, считает, что, изливая душу безопасным страницам дневника, в который никто никогда не заглянет, я сумею погрузиться достаточно глубоко в собственное бессознательное, которое весьма эффективно скрывает некоторые вещи от моего сознания (и даже от подсознания). Она совершенно недвусмысленно дала мне понять, что ни при каких условиях не станет настаивать, чтобы я познакомила ее со своими записями. Но я могу это сделать, если захочу сама.

— Только если смотреть на что-то достаточно долго и под правильным углом, Кит, — сказала она мне, — только тогда начинает проявляться подлинное изображение. Но для начала нужно найти что-то, на что ты будешь смотреть. Возможно, этим чем-то станут написанные твоей рукой слова. И даже если они покажутся тебе банальными или чересчур пресными, несообразными, стыдными или даже пугающими — не важно!.. Именно из текста, из массива слов вырастет твоя подлинная история. Главное, постарайся обойтись без самоцензуры, — предупредила она, — пока не разглядишь картину целиком, не поймешь, какая часть истории реальна, а какой следует пренебречь.

Еще она говорила, что весь процесс напоминает рассматривание двойственной картинки, двусмысленной фигуры — ну знаешь, как то самое изображение юной девушки, которая превращается в старуху, если перевернуть картинку вверх ногами. Как только это произойдет, наблюда-

тель уже не может не видеть лица старухи, оно там есть, и от этого никуда не деться. Оптическая иллюзия, построенная на смене перспективы.

Откровенно говоря, я очень сомневаюсь, что из юнгианских подвалов моей души может каким-то чудесным образом подняться на поверхность и вылиться на страницы дневника что-нибудь дельное, но... В общем, я начала писать тебя, мой дорогой Дневник. И кое-что о себе я уже сообщила. Да, я уборщица, вкалываю в клининговой компании и очень люблю совать нос в чужие дела. Возможно, даже слишком люблю. Да, я готова признать, что моя страсть в чем-то сродни наркомании. Я просто не в силах удержаться. А хуже всего то, что раз от раза моя зависимость только крепнет, заставляя меня рисковать все больше, а это может плохо закончиться. Именно поэтому я и решила обратиться к психотерапевту. Как говорит моя врач, в этом заключается мой запрос.

— А ты не боишься, — спросил меня недавно мой лучший друг Бун, — что однажды зайдешь слишком далеко и выкопаете что-то такое, чего уже не сможешь развидеть? Если ты вдруг наткнешься на тайну, которую кто-то очень хотел скрыть, тебя могут ждать серьезные неприятности. Многие люди, особенно богатые люди, пойдут на все, лишь бы защитить себя и свои семьи, — добавил он. — Даже на убийство.

Я похолодела от страха. Такой поворот как-то не приходил мне в голову.

— Ты должна быть очень осторожна, — добавил Бун. — У богатых есть власть. Возможности, о которых ты можешь даже не догадываться.

Еще он сказал, что я все чаще перехожу границы, что я стала беспечной, а это рано или поздно приведет к тому, что меня схватят с поличным. По его словам, мне нужно меньше рисковать и быть начеку.

Сначала я подумала, что Бун драматизирует, потому что... потому что Бун есть Бун. Меньше всего мне хоте-